

**ТРИ ДОКУМЕНТА ОБ ИСЛАМСКОМ
ФУНДАМЕНТАЛИЗМЕ ПО ГРАНИЦАМ СССР**
(Перевод с немецкого и английского, предисловие
и комментарии А.В. Сарабьева)

DOI: 10.31696/2542-1530-2021-5-273-296

Публикация трех документальных фрагментов сопровождается вступительной статьей об исламском фундаментализме, активизировавшемся со второй половины 70-х годов XX в. В ней использованы недавно обнаруженные источники – мнения британских и американских высокопоставленных политиков, хорошо осведомленных в вопросах религиозного активизма на Ближнем и Среднем Востоке. Сами документы за 12 ноября 1978, 23 апреля 1979 и 11 октября 1979 г. переведены с факсимиле, предоставленных официальными интернет-ресурсами, выкладывающими оцифрованные копии отдельных конфиденциальных и секретных документов прошлого: швейцарским Федеральным архивом – Schweizerisches Bundesarchiv, Bern (проект Diplomatische Dokumente der Schweiz) и американским Цифровым архивом национальной безопасности – Digital National Security Archive. Выбранный период характеризовался всплеском агрессивного исламского фундаментализма в таких обществах, как иранское, афганское, пакистанское, сирийское, иракское, египетское, ливанское. Документы иллюстрируют попытки внешнего воздействия и использования в своих интересах активизм революционеров-фундаменталистов как со стороны региональных акторов, так и в рамках масштабных стратегических инициатив (в частности, американской доктрины Картера) участников «холодной войны».

Ключевые слова: исламский фундаментализм, ислаимзм, исламская революция, Ближний Восток, Средний Восток, публикация архивных документов.

Публикуемые ниже документальные фрагменты позволяют прояснить вопросы о сущности религиозного фундаментализма, о мере его опасности для традиционных обществ и о том, насколько он к концу 70-х годов XX в. представлял собой автономное явление. Все три вопроса заслуживают периодического возврата к ним с целью осмысления феномена фундаментализма в меняющихся исторических условиях, и недаром к этой теме обращаются политологи, историки и религиоведы. В последние десятилетия ученые интересуются в особенности исламским фундаментализмом, но нужно помнить, что в свое время – на заре XX в. и потом, на протяжении длительного времени – осмыслению подвергался в большей степени фундаментализм христианский и иудейский.

Всплеск во второй половине 70-х годов экстремистских движений в мусульманских странах – факт хорошо известный. Будучи в своей основе фундаменталистскими, эти воинственные движения отодвигали на края, *ad marginem* те устоявшиеся элементы религиозной культуры, что заключали в себе значительную долю национального колорита. Равным образом, важным пунктом повестки фундаменталистов был пересмотр соотношения светской государственной власти и вертикального иерархического устройства религиозных общин. Желательным провозглашалось государственное устройство по типу халифата, где светская и духовная власть объединялись в лице монарха-халифа, или даже более радикальное – теократическое устройство.

Фундаменталистский бум отмечался в разных странах исламского мира, но со стороны Советского Союза первостепенным представлялось внимание к связанным с ним явлениям в пограничных государствах Иран и Афганистан.

С 1978 г. в Иране особенно обострились социальные отношения на фоне противостояния, условно говоря, двух линий: национально-государственной с упором на традиционную религиозную культуру, с одной стороны, и религиозных реформаторов-фундаменталистов, с другой. Сталкивались и крайние проявления той и другой линий. Например, как передает о влиятельном идеологе исламской революции

знаток мусульманских религиозных течений из Казани Исмагил Гибадуллин, «в противовес “почвеннической” концепции светского национализма Муртаза Мутаххари по-новому определил критерии национального, не ограничивая его автохтонными элементами национальной культуры... М. Мутаххари придерживался точки зрения, что ислам изначально внационален и представляет собой реальность более высокого порядка... Именно ислам, а не монархия, зороастризм или абстрактная идея иранской цивилизации выступает в роли стержневого элемента иранской национальной идентичности» [Гибадуллин 2015, 252–252].

События в Иране, как и идейные течения тех лет хорошо описаны в научной литературе, в том числе отечественной. Единственное, чего не достает, может быть, большинству таких работ, так это анализа эволюции иранского фундаментализма – с его победы в уникальной в истории теократической революции и на протяжении более четырех десятилетий теократического правления»¹ – на фоне бурно меняющихся условий в мире.

Афганистан же давал пример попыток реализации несколько иной модели – причудливого наслоения на универсалистскую основу, близкую к классическому халифату, уравнительных идей, носителями которыми стали преимущественно жители широкого пуштунского «пояса» – южной части Афганистана и приграничных пакистанских районов [Чекризова 2014, 231]. Отчетливая национальная окраска афганского исламизма «смешивала карты» региональным игрокам, пытавшимся использовать фундаментализм в политических целях. К тому же, существенно усложняли расстановку сил амбиции шиитов-хазарейцев, которые даже в структурах НДРА не уставали требовать для себя адекватно-

¹ До сих пор, остаются вопросы, например, как стал возможен «Ирангейт» при свирепых антизападных установках легендарного рахбара? откуда черпало силы упорство оппозиционно настроенного к хомейнизму духовенства, кульминацией которого стали кровавые столкновения 1983–1984 гг.? См., напр.: [Утургаури 2010, 179–185], а также отдельные документы DNSA за 1986 г.

го представительства в органах государственного управления и автономии Хазараджату [Пластун 2016, 411], а в своих исламистских чаяниях далеко не совпадали с суннитскими группами моджахедов. Да и между боевиками-шиитами не утихали разногласия. Как докладывал в 1985 г. Херманн Эйлтс, американский посол и директор Центра международных отношений Бостонского университета, «в Хазараджаре (так в документе. – А. С.), главном шиитском районе центрального Афганистана, шиитское движение сопротивления четко разделено на сторонников Хомейни и его противников, и они регулярно сталкиваются между собой в кровопролитных боях»¹.

Этот опытный дипломат сообщал также: «В Афганистане различные группы исламского сопротивления, сунниты и шииты, несмотря на их ожесточенную междоусобную междоусобицу, ограничивавшую эффективность их совокупного военного потенциала, удостаивались всяческой похвалы со стороны официальных и неофициальных американцев за свою борьбу против “атеистов-коммунистов” и даже получали скрытую помощь из США и других стран. Откровенно говоря, единственное различие между афганскими исламскими группами сопротивления состоит в том, что одни видят в Советах главную угрозу, в то время как слишком многие исламские группы в других странах Ближнего Востока, как уже было засвидетельствовано здесь, видят в качестве таковой угрозы США. Увы, вполне предсказуемо [различные группы] афганского движения исламского сопротивления нередко участвуют в вооруженных конфликтах между собой в той же мере, в какой и против советских и правительственных афганских сил, что вызвано межконфессиональными, этническими, племенными или личностными ссорами в руководстве»².

Связанной с событиями в Иране и Афганистане была, безусловно, исламизация Пакистана, которая достиг-

¹ Eilts, Hermann F. (Wintess Report), June 24, 1985 [Islamic Fundamentalism 1985, 62].

² Ibid.

ла высшей интенсивности при президенте Мухаммаде Зия-уль-Хаке – с 1979 по 1988 г. Помощь Саудовской Аравии афганским моджахедам, о которой идет речь в одном из публикуемых ниже документов, оказывалась и накануне ввода советских войск, для дестабилизации администрации Амина (14 сентября – 27 декабря 1979 г.). Саудовская Аравия рассматривала ее в том числе как угрозу для наметившейся исламизации Пакистана. Уже в 1981 г. в русле объявленного «режима исламского правления» место парламента занял особый Совет – *Маджлис-е шура*, началась исламизация кредитно-финансовой системы, были введены религиозные налоги закят и ушр, стали действовать шариатские суды, шло углубление исламизации образования и культуры, и, в итоге, «завершилась трансформация Пакистана в идеологическое исламское государство» [Белокреницкий 2016, 73–74]. Как известно, события тех лет в Пакистане и Афганистане были тесно переплетены.

Попытки использования «афганского движения исламского сопротивления» Западом в своих интересах (как стороны в «холодной войне») шли с самого начала присутствия в Афганистане советского воинского контингента. Почти сразу оно было вписано Соединенными Штатами в рамки объявленной в январе 1980 г. так называемой «доктрины Картера». В стенограмме заседания Парламента от 28 января 1980 г. (через пять дней после объявления американской доктрины) содержалась такая ее характеристика, прозвучавшая и уст лорда Джима Кэллэгана¹: «Мы должны решительно поддерживать доктрину Картера, согласно которой, ... любая попытка Советского Союза получить контроль над Персидским заливом, как говорит президент, должна рассматриваться как нападение на жизненные интересы Запада в целом. Это американская позиция»². Ему вторило признание парламента-

¹ Леонард Джеймс Кэллэган (1912–2005), барон Кардиффа – британский министр внутренних дел (1967–1970), госсекретарь (1974–1976) и премьер-министр (1976–1979), член Палаты общин, деятель Лейбористской партии.

² House of Commons Hansard. 5th Series, Vol. 977. Commons Sitting, 28 January 1980. P. 947. URL: <https://parlipapers-proquest-com.ezproxy.usr.shpl.ru/>

рия П. Тэпселла¹: «Утверждение новой так называемой доктрины Картера по Персидскому заливу кажется мне на некоторое время самым обнадеживающим событием в международных делах»².

На указанном заседании Палаты общин этот докладчик настаивал, что «следует воспользоваться возможностью», предоставленной вводом советских войск в Афганистан. «Сейчас у нас есть лучшая возможность на многие годы переломить ход борьбы за мировую власть. В течение очень многих лет русские проявляли свое влияние в различных частях мира, в основном поддерживая националистические организации и пытаясь использовать бедность и враждебность по отношению к коррумпированным и тираническим режимам... Первым результатом российского вторжения стало то, что впервые после окончания Второй мировой войны большая часть стран третьего мира, и особенно ислам, теперь рассматривают свои интересы как гораздо более тесно связанные с Америкой и Британией, чем с Россией. Это очень важное событие, и мы должны использовать все возможности. Я говорю здесь об исламе (подчеркнуто мною. – А. С.) и, в частности, о Ближнем Востоке – той части третьего мира, которую, возможно, я знаю лучше всего – и у меня нет ни малейшего сомнения, что почти в каждой исламской стране, если люди должны выбирать между Магометом и Лениным, то они выберут Магомета»³.

Наряду с рассматриваемыми странами Среднего Востока, в тот же период исламизм фундаменталистского толка охватил и такие ближневосточные государства, как Сирия и Египет. К тому же под сильным влиянием иранских идеологов находились широкие слои мусульманского населения в Ираке, Ливане и Палестине.

parlipapers/docview/t71.d76.cds5cv0977p0-0006?accountid=108701998.

¹ Питер Х.Б. Тэпселл (1930–2018) – опытный британский политик, начинавший карьеру с должности личного помощника госсекретаря Энтони Идена; в 1964–1983 г. – депутат от Хорнкасла в Палате общин.

² Ibid. P. 998.

³ House of Commons Hansard. 5th Series, Vol. 977. Commons Sitting, 28 January 1980. URL: <https://parlipapers-proquest-com.ezproxy.usr.shpl.ru/parlipapers/docview/t71.d76.cds5cv0977p0-0006?accountid=108701998>. P. 1000–1001.

Например, в Сирии как раз в разгар иранской революции то тут, то там в разных частях страны возникали «очаги нестабильности», вызванные в среде религиозных групп демонстративным эффектом событий в Иране. Примечательно, что мятежи и выражения недовольства наблюдались, в основном, со стороны мусульман-суннитов, а не близких к шиитам сирийских алавитов, друзов, исмаилитов. Наконец, в 1979 г. в Сирии произошли несколько громких терактов. В секретной сводке по безопасности американского Госдепартамента от 11 октября 1979 г. сообщалось: «В октябре в прессе Каира делался упор на беспорядках в Сирии, причем предсказывалась неизбежность гражданской войны из-за неспособности Асада купировать насилие и беспокойство религиозных общин»¹. Президент Сирии был поставлен в трудное положение и вынужден был ужесточить меры по отношению к диссидентским религиозным кругам сети «Братьев-мусульман»², хотя кульминация решающего столкновения между ними произошла только в 1982 г.

Уязвимой для исламистов была и Иордания. Можно согласиться с мыслью, высказанной в рассекреченной квалификационной работе 1984 г. одного американского военного летчика: «В настоящее время наибольшая угроза для Иордании со стороны иранских фундаменталистов в большей степени внутренняя. Кувейт и Объединенные Арабские Эмираты уже испытали на себе проблемы от собственных шиитских фундаменталистов, привлеченных радикальными идеями Хомейни. Успех Ирана в войне с Ираком придаст его идеям еще большую силу... Иордания предоставляла благоприятную среду для роста фундаменталистских идей. Лагеря беженцев в Иордании всегда были питательной почвой для недовольства, а лагерные условия усиливали притягательность фундаменталистского призыва. Эти [палестинские] группы определенно могут угрожать самому существованию иорданского правительства... Мусульманские фундаментали-

¹ US Department of State. IntSum [Intelligence Summary] 914 – October 11, 1979. (Secret, Cable). Point 12.

² Организация запрещена на территории РФ.

сты всегда будут угрозой для Иордании, даже если Иордания остается вне прямых фундаменталистских нападков» [Strobbe 1984, 49–50]. Тут обращают на себя внимание два момента. Во-первых, явно очень сведущий в перипетиях ближневосточных дел автор говорит не об исламистах вообще и даже не об исламском сопротивлении, а именно о «мусульманских фундаменталистах». А во-вторых, автор объединяет в качестве благоприятной среды распространения фундаментализма арабов-шиитов Ближнего Востока в целом и радикальных исламистов-суннитов, взращенных в палестинских лагерях Иордании. Это свидетельствует в пользу понимания мусульманского фундаментализма как явления надконфессионального, широкого и, по-видимому, не связанного напрямую с антисионистским сопротивлением.

Что касается палестинских боевиков, то ориентация этих исламистов на Иран была явной с самой Исламской революции. Со временем она не ослабла, о чем может свидетельствовать высказывания на одном из заседаний Парламента в июне 1982 г. депутата Джонатана Эйткена¹ о том, что иранские фундаменталисты «оказали огромную поддержку ООП», что «возрождение из пепла палестинского феникса в Западном Бейруте может быть ускорено действиями революционных исламских фундаменталистов в Иране и других местах [в Ираке, Ливии, Сирии, Бахрейне]». Выступая перед парламентариями, Эйткен далее заявлял: «Мы все серьезно недооценили силу этого движения. Это, безусловно, самая большая угроза стабильности на Ближнем Востоке... Эта революционная сила перемен нацелена на свержение более консервативных правительств и режимов – тех, которые не являются ни революционными, ни фундаменталистскими»².

¹ Джонатан У.П. Эйткен (род.1942) – являлся членом Тайного совета Соединенного Королевства, с 1974 по 1997 г. – депутат Палаты общин от тори; автор многих книг жанра исторических расследований, политических биографий и др.

² House of Commons Hansard. Commons Sitting, 22 June 1982, 6th Series, Vol. 26. P. 259. URL: <https://parlipapers-proquest-com.ezproxy.usr.shpl.ru/parlipapers/docview/t71.d76.cds6cv0026p0-0002?accountid=108701>.

Специалист иракского происхождения из американского Центра Вилсона, Адид Давиша, осенью 1985 г. на обсуждении докладов своих коллег перечислял неудачи «революционеров-исламистов», имея в виду фундаменталистов: «Одной из их серьезных неудач стал отказ иракского шиитского населения объединить силы со своими идейными лидерами в Тегеране против собственных политических лидеров у себя в Ираке. Это, должно быть, стало одним из величайших провалов концепции универсалистской исламской революции. Еще одна неудача заключается в том, что большинство этих революционных групп, будь то в Египте, Иордании, Сирии или Ираке, были взяты и беспощадно отброшены государством» [Islamic Fundamentalism 1985, 277].

Воинствующий, или революционный фундаментализм, в самом деле, ставил своей целью изменение не только политического строя ряда государств – со светского на теократический, но и перекройку основ мусульманских обществ, заключавшуюся в выхолащивании из религиозной культуры национально-культурного компонента. В этом совпадали стратегии шиитского фундаментализма и суннитского, в авангарде которого стояли БМ. Вероятно, этим можно объяснить совпадение по времени всплеска активизма шиитских и суннитских исламистов в регионе, несмотря на разницу мусульманского исповедания и отсутствие, на первый взгляд, видимой координации их действий.

Объяснимо, что врагами мусульман в глобальном масштабе фундаменталисты называли обе стороны «холодной войны», равно враждебные, с их точки зрения, исламу. Направить гнев единоверцев против внешнего врага было удобнее всего, но главное – нужно было обосновать религиозную нелегитимность тех систем правлений в мусульманских странах, где с симпатией относились либо к советской «безбожной», либо к западной империалистической системам. Позволим себе привести длинную цитату из еще одной квалификационной работы офицера американского военного института, в которой содержится, как ни удивительно, точный лаконичный анализ рассматриваемого явления: «Фрустрация в сочетании с низким

экономическим положением легко выводила на поддержку фундаментализма. Народное недовольство материальным положением фундаменталистские группы с легкостью направляли на несправедливое западное экономическое доминирование. Другим разочарованием многих мусульман была невозможность после получения образования найти достойную работу... Пока не наблюдается, однако, подъема политических ожиданий¹, подобных растущим ожиданиям экономического характера... Охваченные фрустрацией многие мусульмане видят единственный выход своему политическому недовольству – в мечети вместе с фундаменталистами. Те объясняют политическую фрустрацию прямым воздействием извне ценностей неисламских – социализма или западной демократии» [McNeil 1988, 8–9].

Остается добавить, что подъем исламизма в конце 70-х и начале 80-х годов был весьма широк и охватывал, кроме Ближнего, Среднего Востока и Северной Африки, также и многие страны Южной и Юго-Восточной Азии.

Что касается западных оценок влияния подъема исламизма на мусульман Советского Союза, то мнения, приводимые в одном из публикуемых ниже фрагментов, подтверждаются и другими документами. В частности, в приводимом докладе, сделанном в июне 1985 г. послом Х. Эйлтсом, содержалось следующее мнение об этом: «В СССР.. ислам, наряду с этнической идентичностью, для многих оставался, если и не религиозной верой, то средоточием общинной идентичности. На Западе звучало много рассуждений по поводу озабоченности Советов предполагаемым вторичным воздействием исламской революции Хомейни на их собственное мусульманское население, но на сегодняшний день мало доказательств, подтверждающих такое воздействие. В последнее десятилетие Советы резко ограниченным образом стремились создать своего рода “официальную” исламскую систему путем восстановления ряда религиозных учебных заведений, некоторого количества мечетей, разрешения определенному

¹ В тексте – *expectations* («эспектаций»), слово, которое применяется в качестве термина в депривационной теории.

количеству мусульман совершать ежегодное паломничество в Мекку каждый год и т. д. – очевидно, в надежде на то, что они смогут лучше наблюдать и контролировать мусульманское сообщество. Фактически, за прошедшие годы суфийские, мистические ордена в Советском Союзе (многие из которых действовали подпольно, но не как подрывные организации), как сообщают, привлекли много членов. Советские власти подозревают эти суфийские ордена из-за их тайного характера, и, вероятно, контролируют их. Следует также отметить, что, несмотря на очевидный быстрый демографический рост мусульманской общины Советского Союза, она разделена этнически, географически и идеологически¹. Тем самым западные специалисты вынуждены были констатировать невозможность на тот момент и в тех внутривнутриполитических условиях в СССР распространения исламизма фундаменталистского толка. Ту же мысль, в общих чертах, подтверждает и публикуемый исторический документ на эту тему.

Все три документальных фрагмента переведены с факсимиле, предоставленных официальными сетевыми ресурсами, выкладывающими оцифрованные копии отдельных конфиденциальных и секретных документов прошлого. Это швейцарский Федеральный архив – Schweizerisches Bundesarchiv, Bern (проект *Diplomatische Dokumente der Schweiz*) и американский Цифровой архив национальной безопасности – Digital National Security Archive. Публикуемые документы расположены в хронологическом порядке: за 12 ноября 1978, 23 апреля 1979 и 11 октября 1979 года. Важность этого отрезка времени обусловлена максимальной остротой вопроса агрессивного исламского фундаментализма в повестке таких обществ, как иранское, афганское, пакистанское, сирийское, иракское, египетское, ливанское и отчасти даже советское. В документах отчетливо звучит тема внешнего воздействия – от прямой поддержки революционеров-фундаменталистов (со стороны, например, Саудовской Аравии) до масштабных стратегических инициатив (например, доктрины Картера) времен «холодной войны».

¹ Eilts H.F. (Wintess Report), June 24, 1985 [Islamic Fundamentalism 1985, 63–64].

Shweizarische Botschaft in Iran. Politischer Bericht Nr. 27. Teheran, den 12. November 1978. (Vertraulich) "Die Opposition gegen den Schah". 7 S. URL: <https://dodis.ch/49778>.

Швейцарское посольство в Иране

Тегеран, 12 ноября 1978 г.

Реф.: 380.0 – KS/са

Конфиденциально

Политический доклад № 27

Антишахская оппозиция

... [С. 4] III. Особенное значение приобретает религиозное движение сопротивления, питаемое шиитской духовностью с ее консервативным, националистическим и антизападным настроем. Ухудшавшаяся на протяжении последних 15 лет ситуация, наряду с драматическим разрывом в развитии в течение последних лет, повлекшим морально-этическое выхолащивание, подтолкнуло широкие народные массы, и особенно молодежь, к возврату к «мечети», которая стала для них прибежищем духовной свободы и традиционных ценностей. С давних пор именно здесь духовность обретала всегда свой рупор, как полагали в народе. И особенно заметно это было, когда другие средства выражения либо отсутствовали, либо оказывались недостаточными. Со своим ясным ответом на чрезмерную модернизацию и вестернизацию и со своим призывом к возврату к традиционным иранским, а значит исламским ценностям, короче говоря, с призывом «назад, к исламскому фундаментализму», духовность приобрела настроения, уходящие все дальше от новых трендов в осыпающемся государстве и по направлению к его обезумевшим народным кругам.

Имеется существенная разница в оценках разных влиятельных аятолл в Иране: тех, кто действует в священном городе Куме под предводительством [Мохаммада

Казема] Шариатмадари¹ и [с. 5] находящегося в изгнании настоящего вождя иранских шиитов, аятоллы Хомейни, что выражается не просто в экстремизме последних, но насмерть стоящих против режима шаха Мохаммеда Резы Пехлеви. В этом становится еще более явным то глубокое различие, что уже однажды имело важное значение в иранской истории. Среди тех, кто поддерживал введение конституции 1906–1907 гг. были представители духовенства, которые сознательно шли на неизбежные при этом секуляризацию общества и увеличение роли государства. Им противостояла группа также из шиитского духовенства, так называемых теократов, которые видели в этом победу западных идей и по этой причине жестко отвергли конституцию. Эти дебаты вновь возродились в первую фазу сегодняшнего взаимного противостояния, поскольку Шариатмадари рука об руку с рядом партийных группировок выдвигали требование более четко и полностью следовать Конституции, ведь через нее они могли удобнее воплощать политико-религиозные претензии шиитов. Хомейни, напротив, неуклонно стоял за исламское владычество и при этом руководствовался главным аргументом, который теократы выдвигали в то время против Конституции: она разделяла тесно связанные друг с другом религиозную и светскую жизнь, обе лежащие в духовной сфере.

Под впечатлением радикализации требований, которые вследствие прошедших по всей стране бунтов, забастовок и столкновений с военными стали явными и дошли даже до желаний изменить государственную систему, Шариатмадари поддался давлению улицы и ожесточил свою позицию. И ему пришлось, чтобы не потерпеть поражение, но также из собственных глубинных побуждений, стать истинным выразителем народных чаяний.

Оба влиятельных вождя теперь оказались едины в дистанцировании от ненавистного режима, и Шариатмадари отказался от любых компромиссов с правящей властью

¹ См. [Дорошенко 1985]. Здесь и далее сноски мои. – А. С.

шерифа-имама. Он пошел [с. 6] даже дальше: из Кума он призвал к священной войне¹, и на эту единственную цель должен был направить все силы.

IV. Исламские фундаменталисты положили начало [наблюдаемой] драматической кульминации – вдобавок к недавним жестоким событиям, которые в Тегеране характеризуются как вызванные и собственной динамикой анархистского движения, и планомерными и срежиссированными разрушениями объектов: банков как ответственных за банкротство страны, кинотеатров как рассадников безнравственности, алкогольных лавок как идущих против коранических предписаний, крупных отелей и британского посольства как выражение нараставших симптомов ксенофобии и вызова всем формам неокOLONIALИЗМА – в разогретой ситуации лаицистская оппозиция из-за своей организационной и кадровой неразберихи как явная сила была оставлена со стороны оппозиции без внимания. Ее несостоятельность стала очевидной в последние дни октября и выразилась в тщетных попытках повлиять на антирежимную агитацию. Одновременно и Национальный фронт был обречен на провал в своем стремлении достигнуть тактического союза с религиозной оппозицией с целью добиться некоторых изменений. Паломничество их предводителя к Хомейни окончательно вскрыло их принципиальную несовместимость. В последнюю минуту перед тем, как выслушать условия альянса, [Хомейни] вдруг, несмотря на разобщенность и слабость Фронта, заговорил совершенно иными словами и стал ставить перед тем человеком такие [крайние] цели, которые сегодня обросли легендой, став своего рода катализатором оппозиции. Под его эгидой религиозная иерархия в Иране постоянно обостряла свою

¹ Ср. с высказываниями Р. Хомейни: «Суть революции заключается в самопожертвовании. Каждая революция нуждается в мученической смерти, в готовности принять мученическую смерть», «Если мы умрем или убьем, наше место в раю», «Борьба нашей страны – идеологическая, и джихад за убеждения и веру непобедим», «Неполноценна религия, в которой нет священной войны» [Изречения... 1995, 58, 161, 162].

позицию и более или менее открыто пошла своим экстремистским курсом.

[С. 7] Призыв по Хомейни, а его сегодня можно слышать повсюду, стал символом поворота к исламскому фундаментализму. Он является (помимо очень разномастного фронта оппозиции, к тому же частично разрушенного изнутри) кодом к полному отрицанию и настоящего, и прошлого. Это дело рук Хомейни, что ситуация постоянно и неуклонно поляризуется: здесь – армия, [остающаяся] до поры до времени гарантом системы, а там – широко поддерживаемый разнородный фронт неприятия¹, желающий вызвать крушение режима.

В этой стране уже воплощается в определенных кругах сценарий исламской Республики Иран. Реализация такого плана должна с неизбежностью привести к отходу от системы [политических] альянсов, которую страна считает себя обязанной сохранять уже несколько десятилетий. Положение равновесия ведущих сил здесь существенно ослабеваает. Ослабленный в военном и партийном отношениях Иран без сомнения может стать более легко доступным для советского влияния. [Такой Иран] не только ставит под сомнение выживание феодальных стран Залива, но и подвергает серьезной опасности регион в целом.

Швейцарский временный поверенный в делах
[подпись, Пауль Випфли] (Wipfli)

¹ В тексте *Ablehnungsfront*, букв. «фронт отказа». Примечательно, что как раз во второй половине 70-х годов на территории Ливана действовал палестинский «Фронт отказа» (*Джабхат ар-рафд*): вышедшие из подчинения руководству ООП группировки, которые отказывались от политических форм урегулирования, признавая только военное решение. В частности, об этих силах (“rejectionists”) шла речь на заседании в американском Госдепартаменте под председательством Генри Киссинджера в марте 1976 г. См.: US Digital National Security Archive. Kissinger Transcripts, 1968–1977. US Dept. of State, Memorandum of Conversation, March 15, 1976. (Secret, NoDis / Declassified). P. 2.

DNSA: Iran Revolution. US Department of State. Transmittal slip to INR/RSE, EUR/SOV, Amembassies Moscow, Tehran, from USMISSION USNATO. July 30, 1979. (Confidential) "UK Delegation to NATO, Islamic Fundamentalism and the Soviet Union". 3 p.

Госдепартамент
Конфиденциально
30 июля 1979 г.

В INR/RSE, EUR/SOV, американские посольства
в Москве и Тегеране

От US Mission, US NATO

Приложенный британский документ о воздействии
исламского фундаментализма в Советском Союзе распро-
странен среди членов Политического комитета.

Подпись: Джеймс Х. Мэдден
Конфиденциально
Политотдел

[С. 1]

Исламский фундаментализм и Советский Союз

1. Во время визита в Дели 2–3 июля [британского] госсекретаря лорда Каррингтона ему сообщил мининдел [Индии] г-н Ваджапай, что, будучи в прошлом году в Москве, он и г-н Десаи увидели явные признаки того, что русские обеспокоены исламским фундаментализмом. Они опасались (и у Ваджапай были основания так считать), что этот вирус может распространиться среди советского мусульманского населения.

2. Британская позиция заключается в том, что вероятность того, что советское мусульманское население окажется зараженным исламским возрождением в Иране или где-то еще, остается невысокой, в основном из-за иных социальных условий в СССР и того факта, что шииты

составляют лишь небольшую долю советских мусульман. Все же, несмотря на выражение русскими поддержки Хомейни, они явно в затруднении по поводу развития событий в Иране. Они не могут благодушно воспринимать сообщения иранских медиа на арабском, критикующие положение ислама в СССР. Глава иранского вещания жаловался в мае, что Советский Союз глушил иранское длинноволновое вещание, используя мощные передатчики. В частности, он заявлял, что подавление волн имело место во время телевизионного выступления Хомейни в Азербайджане. Если в этом есть хоть доля правды, то это означает попытку предотвратить обращение советских мусульман в советском Азербайджане в сторону аятоллы.

3. Советские заявления о возможном воздействии исламского возрождения на советское мусульманское население, хотя и редко, начали появляться. Согласно заявлению шведской газеты «Даненс Нюхетер» от 11 июня, имам крупнейшей мечети Баку и вице-председатель духовного управления Кавказа Аллохшукюр Пашаев¹ провел пресс-конференцию для журналистов в Баку в присутствии представителей пресс-службы МИДа. Кроме прочего, Аллохшукюр сказал:

а) Не дело мусульман было вмешиваться в региональную или республиканскую политику. Для того, чтобы заниматься политикой есть другие органы и другие избранные люди.

б) Мусульмане в Баку не скрывали своей радости по поводу того, что произошло в Иране. Они направили поздравительные телеграммы и приветствовали Хомейни,

¹ Аллохшукюр Паша-заде (род. 1949). С 1975 г. – ответственный секретарь и зампреда, а с 1980 г. – председатель ДУМ Закавказья, с 1992 г. – глава Управления мусульман Кавказа. С 1988 г. – член совещательного совета Всемирного исламского конгресса, впоследствии – член правления ОИК. Доктор исторических наук, профессор. В 2003 г. был избран шейх-уль-исламом мусульман Кавказа. Депутат Верховного Совета СССР (1989 г.), депутат Верховного Совета Азербайджана (1990–1995).

когда он вернулся в Иран, и направили еще телеграммы, когда монархия была свергнута.

в) «Я не вижу, чтобы события в Иране означали, что ислам пошел по такому же пути в Советском Союзе. Нам нет нужды в тайных обществах. Мы работаем совершенно открыто с одобрения властей».

4. В другом недавнем сообщении шведской службы Московского радио прозвучало, что журналист спросил лидера казахских мусульман, не из-за событий ли в Иране и Афганистане ислам в СССР переживает подъем? Тот ответил, что существенного увеличения числа верующих не наблюдается, хотя успех в соседних странах явно радуется мусульман.

[С. 2] 5. Эти сообщения показывают, что советские власти желают казаться невозмутимыми относительно возможного воздействия иранских и афганских событий на советских мусульман. Недавние (и нередкие) информационные сообщения, подчеркивающие якобы свободу советских мусульман и уважение со стороны советского правительства к культурному наследию ислама (реставрация мечетей, празднование начала нового века по мусульманскому календарю), несут то же самое скрытое послание: духовные и культурные запросы советских мусульман уже удовлетворяются, так что нет необходимости опасаться влияния на них извне. Недавняя статья в Коммунисте (№ 5 за 1979 г.) первого секретаря Дагестанского обкома, в частности, содержит свидетельства, что советские партийные власти продолжают быть внимательными к возможному воздействию извне на советских мусульман. [Автор статьи] Умаханов¹ жалуется, что «империалистическая пропаганда» недавно стала еще более активно спекулировать на национальных чувствах и предрассудках с целью противопоставить друг другу социалистиче-

¹ Магомед-Салам Ильясович Умаханов (1918–1992) – советский партийный и общественно-политический деятель; в 1967–1983 годах был первым секретарем Дагестанского обкома КПСС.

ские нации. «Идеологические центры империалистических <нрзб.>, националистические организации в эмиграции, которые состоят на службе у буржуазии, допускают использование панисламистских и пантюркистских идей в целях подрывной деятельности против народов Северного Кавказа. Они делают немалый акцент на религии, используя ее в интересах антисоветски [настроенных сил]. В частности, в сообщениях их буржуазного радио ставится ударение на религиозных чувствах верующих мусульман». Такие выражения обеспокоенности не новы (хотя отсылки к панисламизму и пантюркизму редки) и едва ли вызваны событиями в Иране и Афганистане.

6. Все это не продвигает нас вперед, и мы не склонные в настоящий момент пересматривать наши прежние суждения. И тем не менее, все меняется. Невзирая на то, что свидетельства о влиянии исламского фундаментализма на советских мусульман сложно собирать и они трудны для интерпретации, мы будем ожидать мнений от других [наших] союзников.

3

DNSA: Afghanistan. US Department of State. IntSum [Intelligence Summary] 914 – October 11, 1979. (Secret, Cable). Points 1–7 [“Saudi Arabian Financial Assistance to Afghan Rebels”], 4 p. URL: <https://search-proquest-com.ezproxy.usr.shpl.ru/dnsa/docview/1679059732/D42C19CF816C4F5APQ/17?accountid=108701>.

London for Glaspie
Paris for Nickolas Murphy
DOD/ISA for Ransom
Other Addresses for Chiefs of Mission.

Предупреждение: [документ] содержит чувствительные источники и методы; не для сведения иностранцев.

1. Саудовская Аравия – афганские повстанцы. Анализ ЦРУ содержит следующее: Саудовская Аравия оказывает ограниченную финансовую и материальную помощь племенным диссидентам в Афганистане. Саудовская помощь отражает желание Эр-Рияда дестабилизировать марксистский режим в Кабуле, который саудовцы расценивают как советского производства угрозу безопасности всем исламским правительствам в регионе, особенно Пакистану. Ограниченный характер саудовской поддержки – это один из элементов разочарования тайными операциями как инструментом внешней политики.

2. Саудовская мотивация. Саудовцы издавна имеют весьма хорошие связи с Афганистаном. Они были отчасти близки к афганскому престолу до его краха в 1973 г., и они остаются в контакте с бывшим королем Захир-шахом и эмиром Абдул-вали. Президент Дауд предпринял паломничество в Мекку накануне своего свержения и кончины в апреле 1978 г., а саудовцы были согласны на предоставление некоторой финансовой помощи его режиму.

3. Саудовцы восприняли захват власти марксистами в Афганистане в прошлом году как часть кампании под советским руководством по включению Персидского залива и Аравийского полуострова с радикальными режимами по подготовке ниспровержений консервативных и богатых нефтью монархий региона. Эфиопская революция и марксистский переворот в Южном Йемене расценен в Эр-Рияде как другая часть попытки Советов прибрать к рукам нефтяные богатства Ближнего Востока. В частности, саудовский посол в Пакистане докладывал в мае 1978 г., что афганский переворот был спровоцирован Советами, чтобы создать базу для подрывной деятельности в Иране и Пакистане. Исламская природа нынешнего афганского сознания является дополнительным мотивом для саудовцев, которые видят себя в роли защитников исламских ценностей и институций по всему миру.

[С. 2] 4. Хотя саудовцы признали новое правительство в Кабуле сравнительно скоро после его назначения, саудовские медиа были в числе критиков нового афганского режима, часто обвиняя его в антиисламской деятельности и широких нарушениях прав человека. К началу 1979 г. лидеры афганских диссидентов периодически ездили в Саудовскую Аравию просить помощи на свои цели. А одна из групп, Фронт национального освобождения Афганистана, открыла в Джидде в конце 1978 г. свое представительство. Саудовская финансовая поддержка повстанцам явно и всерьез началась где-то уже после начала этого года.

5. Пределы саудовской помощи. Ограниченный характер саудовской поддержки афганцам обнаруживает несколько факторов. Саудовцы недовольны разобщенностью в рядах афганского диссидентского движения и вынуждены использовать помощь как средство достижения большего единства. Саудовцы заявили афганским лидерам, что большее сотрудничество между ними является предварительным условием и большей саудовской помощи. Саудовцы могут быть разочарованы также и тем, что повстанцам в действительности направляется недостаточная доля их помощи: скорее ее оставляют себе эмигранты.

6. Нерешительный характер саудовской поддержки отражает некоторое разочарование в Эр-Рияде [принятой тактикой] скрытого финансирования групп, борющихся с левыми. На ранней и средней стадии саудовцы воодушевленно помогали исламским повстанческим группам в Южном Йемене и на Севере Африки. Хотя саудовцы еще продолжают оказывать им некоторую помощь, этим группам не удалось опрокинуть левые режимы, которым они сопротивлялись. Саудовцы также были разочарованы тем, что они не смогли добиться значительной западной, особенно американской, помощи на эти цели.

7. Невзирая на разочарования такого рода, саудовская помощь афганским повстанцам, вероятно, продолжится.

Саудовцы удовлетворены военными успехами повстанцев и будут, без сомнения, вдохновлять их на продолжение доброй войны за Аллаха.

[Конец документа]

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ ИСТОЧНИКИ

DNSA, Kissinger Transcripts, 1968–1977. US Department of State, Memorandum of Conversation: Lebanese Developments: Message to President Asad. March 15, 1976. (Secret, NoDis / Declassified). 4 p. URL: <https://search-proquest-com.ezproxy.usr.shpl.ru/dnsa/docview/1679082172/7DCFF4DCFD4C494EPQ/1?accountid=108701>

DNSA, Afghanistan. US Department of State, IntSum [Intelligence Summary] 914–October 11, 1979. (Secret, Cable). Points 1–7 [Saudi Arabian Financial Assistance to Afghan Rebels]. 4 p. URL: <https://search-proquest-com.ezproxy.usr.shpl.ru/dnsa/docview/1679059732/D42C19CF816C4F5APQ/17?accountid=108701>.

DNSA. US Department of State, Transmittal slip to INR/RSE, EUR/SOV, Amembassies Moscow, Tehran, from USMISSION USNATO. July 30, 1979. (Confidential) [UK Delegation to NATO, Islamic Fundamentalism and the Soviet Union].

Schweizerisches Bundesarchiv. Shweizarische Botschaft in Iran. Politischer Bericht Nr. 27. Teheran, den 12. November 1978. (Vertraulich) Die Opposition gegen den Schah. 7 S. URL: <https://dodis.ch/49778>.

UK Parliamentary Papers. House of Commons Hansard. 5th Series, Vol. 977. Commons Sitting, 28 January 1980. P. 1000. URL: <https://parlipapers-proquest-com.ezproxy.usr.shpl.ru/parlipapers/docview/t71.d76.cds5cv0977p0-0006?accountid=108701998>.

UK Parliamentary Papers. House of Commons Hansard. Commons Sitting, 22 June 1982, 6th Series, Vol. 26. P. 259. URL: <https://parlipapers-proquest-com.ezproxy.usr.shpl.ru/parlipapers/docview/t71.d76.cds6cv0026p0-0002?accountid=108701>.

ЛИТЕРАТУРА

Белокреницкий В.Я. Пакистан, Южная Азия, исламский мир, Восток. Избранные публикации 2008–2016 гг. М.: ИВ РАН, 2016. 712 с.

Гибадуллин И.Р. Муртаза Мутаххари и Исламская революция в Иране. М.: Садра, 2015. 400 с.

Дорошенко Е.А. Шиитское духовенство в современном Иране / Отв. ред. С.М. Алиев, И.М. Смилянская; ИВ АН СССР. Изд. 2-е, испр., доп. М.: Наука, 1985. 230 с.

Изречения, афоризмы и наставления великого вождя Исламской революции, его светлости имама Хомейни. Тегеран: Изд-во произведений имама Хомейни, Международный отдел, 1995. 235 с.

Пластун В.Н. Изнанка Афганской войны 1979–1989: Дневниковые записи и комментарии участника. М.: ИВ РАН, 2016. 756 с.

Утургаури Р.В. Покер с Аятоллой: Записки консула в Иране. Тбилиси, 2010. 284 с.

Чекризова О.П. Исламский радикализм и экстремизм в Пакистане (северо-западный регион) // Государство, общество, международные отношения на мусульманском Востоке / Отв. ред. В.Я. Белокреницкий, Н.Ю. Ульченко. М.: ИВ РАН, Крафт+, 2014. С. 234–236.

Islamic Fundamentalism and Islamic Radicalism: Hearings Before the Subcommittee on Europe and the Middle East of the Committee on Foreign Affairs, House of Representatives, 99th Congress, 1st Session. June 24, July 15, September 30, 1985. Washington, 1985. 443 p.

McNeil, Frederick L. An Analysis of Islamic Fundamentalism and Its Future Role in the Muslim World / Air Command and Staff College, Air University. Report, April 1988. 24 p.

Strobbe, Connie L. Potentially Destabilizing Effect of Islamic Fundamentalism on US Aid to Jordan / Thesis. Air Force Institute of Technology; Wright-Patterson Air Force Base, Ohio. March 1984. 107 p.

REFERENCES

Belokrenitsky, Vyacheslav Ya. (2016) *Pakistan, luzhnaia Aziia, islamskii mir, Vostok. Izbrannye publikatsii 2008–2016 gg.* [Pakistan, South Asia, Islamic world, East. Selected publications 2008–2016]. Moscow, IOS RAS. (In Russian).

Gibadullin, Ismagil R. (2015) *Murtaza Mutakhkhari i Islamskaia revoliutsiia v Irane* [Murtaza Mutahhari and the Islamic Revolution in Iran]. Moscow, Sadra. (In Russian).

Doroshenko, Elena A. (1985) *Shiitskoe dukhovenstvo v sovremennom Irane* [Shiite clergy in modern Iran]. Ed. by S.M. Aliiev, I.M. Smilianskaya, IOS AS USSR. 2nd ed. Moscow, Nauka. (In Russian).

Izrecheniia, aforizmy i nastavleniia velikogo vozhdia Islamskoi revoliutsii, ego svetlosti imama Khomeini (1995) [Sayings, aphorisms and instructions of the great leader of the Islamic revolution, his lordship Imam Khomeini]. Tehran: Publishing House of Works of Imam Khomeini, International Department. (In Russian).

Plastun, Vladimir N. (2016) *Iznanka Afganskoi voiny 1979–1989: Dnevnikovye zapisi i kommentarii uchastnika* [The Inside Out of the 1979–1989 Afghan War: Diary Entries and Comments of a Participant]. Moscow, IOS RAS. (In Russian).

Uturgauri, Revaz V. (2010) *Poker s Aiatolloi: Zapiski konsula v Irane* [Poker with Ayatollah: Notes of the Consul in Iran]. Tbilisi. (In Russian).

Chektrizova, Olga P. (2014) *Islamskii radikalizm i ekstremizm v Pakistane (severo-zapadnyi region)*. In: *Gosudarstvo, obshchestvo, mezhdunarodnye otnosheniia na musul'manskom Vostoke* [State, society, international relations in the Muslim East]. Ed. by V. Ya. Belokrenitsky, N. Yu. Ulchenko. Moscow, IOS RAS, Kraft +. (In Russian).

Islamic Fundamentalism and Islamic Radicalism (1985). Hearings Before the Subcommittee on Europe and the Middle East of the Committee on Foreign Affairs, House of Representatives, 99th Congress, 1st Session. June 24, July 15, September 30, 1985. Washington.

McNeil, Frederick L. (1988) *An Analysis of Islamic Fundamentalism and Its Future Role in the Muslim World*. Air Command and Staff College, Air University. Report, April.

Strobbe, Connie L. (1988) *Potentially Destabilizing Effect of Islamic Fundamentalism on US Aid to Jordan*. Thesis. Air Force Institute of Technology; Wright-Patterson Air Force Base, Ohio. March.

